

Чудо – сам факт существования человека на Земле. Чудо свершается ежедневно с каждым новым восходом солнца.

Чудо – это рождение ребенка.

Чудо – это Любовь.

Чудо – это наш мир.

Русский человек всегда безоговорочно готов был поверить в чудеса, происходящие с ним. Его вера безгранична и чиста. Обращаясь к Богу, он не просит несметных богатств или власти над ближним. И Господь дарует чудо верующему человеку. Недаром говорится: по вере да воздастся.

На вновь обжитых землях наряду с жильем тотчас закладывались храмы, часовни, строились монастыри. И как только православный человек утвердился на новом месте, обживется, почувствует себя хозяином, Господь не оставляет его своим вниманием, являя чудеса. И одно из них – это явление Чудотворных икон, которые становятся его покровителями, защитниками и целителями. В дорогу и на битву с недругом брал он Ее с собой. Обращался за исцелением от страшных недугов и немощей. С радостью и печалью православный человек шел к чудотворной иконе, доверяя ей самое сокровенное.

На месте явления Чудотворной иконы Абалакской Божьей Матери и был основан под Тобольском Абалакский Знаменский мужской монастырь, и со временем он стал центром притяжения огромного числа верующих, паломников, стекающихся в него со всей Сибири.

Во времена революционного лихолетья исчезла чудотворная икона Абалакской Божией Матери, и до настоящего времени неизвестно, жива ли она. Да и сам монастырь был разрушен, обезображен – там размещалась колхозная МТС. За последние годы при ныне здравствующем владыке Димитрии началось его восстановление, вновь поселились в кельях монашествующие.

И может быть, может быть, еще на нашей памяти произойдет второе явление Чудотворной иконы. По вере да воздастся! Но для этого всем нам надо верить в ЧУДО.

ВИДЕНИЯ

Шел 1636 год. Московское государство еще не до конца оправилось после времени, именуемого «смутным». Уже три года, как умер отец царя Михаила Федоровича, патриарх Филарет. Два года, как подписан «вечный мир» с Польшей, но еще многие русские города заняты иноземцами...

Стольному городу Сибири, Тобольску, на другой год исполнится ровно 50 лет. Всего 15 лет, как открыта Сибирская епархия.

...Далека Сибирь от Москвы. Вольная страна и вольный народ, что ее населяет. Со своими нравами и обычаями, куда хотят, туда и воруют. Лихой народ гуляет по дорогам с пищалью-ружьешком да кистенем за поясом. И грабят безжалостно охотников, купцов, татар и вогульцев прихватывают. Добычу в кабаки ташат. Вино хоть и дорого, зато в избытке. Крадут, отбирают и баб-девок у инородцев, живут с ними невенчаны, а надоест, в том же кабаке за четверть и выменяют-сбудут.

На всю сибирскую ширь бескрайнюю всего-то стояло несколько церквей да часовенок. И те гуляющий народ стороной обходит, на службу не заходит. Духовенство местное от воевод городских всяческие притеснения терпело, мыкалось. Как первый владыка, Киприан, в Сибирь приехал, то в крайнее изумление пришел. Монахи с монашками в монастырях сообща, скопом живут, постов не блюдут, службы ведутся как попадая, не по чину. От расстройства такого написал владыка патриарху Филарету в Москву, мол, более греховодного народа, в блуд впавшего, о святом крещении забывшего, во всем свете ищи, не сыщешь.

Патриарх же строгую грамоту прислал, велел по всей Сибири на торгах и площадях читать, что коль и дале так сибиряки жить станут, о вере святой забыв, то отлучит всех от православной церкви и анафеме предаст. Поутихли мужики малость, стали воеводы гуляющий народ по дорогам, урманам ловить, к работе-делу государеву пристраивать, на землю садить, наделы делить.

Только не любо вольному народу под царев указ подпасть, подать платить, мирно жить. Сойдутся-соберутся с десятков таких ватажников в кабаке вечером и айда власть чернить-костерить, срамным словом крыть.

– Последние деньки доживаем, мужики, пока Москва о нас не проведала, нашими припасами не пообедала, – ухмыляется один.

– Русь лапотная повалила да нашу волю задавила, – вторит другой.

– Еще десять годков назад у нас в Сибири как было? Любая баба соболей с крылечка коромыслом была!

– Ага! А теперь? Все добытые соболя на воеводском дворе переписаны, пересчитаны, немцам-иноземцам обещаны на воротники нашей воле вопреки, – остальные откликаются.

Однако сколько ни шуми, ни кричи, а от государева ока не спрячешься на печи. Пришел конец лихой вольнице. Самые своенравные

дальше на восток подались, куда царева рука пока не дотянулась, к земле не придавила, в работу не определила. Остаются на обжитых местах люди, к труду привычные, к занятиям разным обычные: пахари, кузнецы, плотники да иные справные работники.

А на архиерейском дворе, на высокой горе, затевается строительство славное, небывалое, никем досель не виданное. Везут туда и известь, и глину, бревна с реки толстенные, в два обхвата, волокут-тянут, готовятся новый храм рубить о двенадцати главах – взамен сгоревшего во имя Софии Премудрости Вояжей. И в короткий срок возвели-сработали храм чудный-затейливый, за десять верст из-за реки с любого конца видный. Потянулся народ на службу в святую церковь, начал в грехах своих каяться, ко причастию смиренно подходить. А как вера христианская на сибирскую землю пришла, то и народишко лихой поутих, остепенился, в церквах быстренько окрестился. Стали и в деревнях-выселках свои храмы рубить-строить, батюшек для службы у владыки просить. Так оно и бывает, куда вера придет, там и народ мирно живет.

И вот на самый 1636 год и вышел случай необыкновенный, на все времена памятный.

...Стоял на 25-ой версте от города Тобольска погост небольшой. Абалакским прозывавшийся. Над Иртышом-рекой поставленный, близехонько от юрт татарских. Мужики свою пашню орут-пашут, в лесу зверя добывают, по реке с неводом ходят, на зиму для скотины сено косят, бабы холсты ткут, пряжу прядут, тем и живут. От работы да от заботы в лес не убежишь, в подполье не спрячешься, она тебя и там найдет, в оборот возьмет. Тихо народ на погосте живет, свой век ведет, хоть и без прибыли, но и себе не в убыток. Нищий-убогий заглянет – без пирога не уйдет, кружку киселя всегда нальют да и на ночлег примут-возьмут.

И жила меж прочими на том Абалакском погосте вдова одинокая, мужа давно как схоронившая-потерявшая, горя досыта хлебнувшая, не один год без помощника-заступника прожившая. Звали ту вдовицу Марией, а другое прозвание нам неизвестно. Господь, верно, знает, да нам не открывает. Была она, Мария та, нрава тихого-мирного, на соседей обид, дум темных не держала, судьбу свою не кляла, не проклинала. Лишь Бога славилась за то, что жива и верой крепка. По воскресным дням в храм ходила, а на престольные праздники в Тобольск спешила, когда пешком, а случится, так и на телеге попутной добиралась. Службу там отстоит, свечку восковую дешевенькую купит, у иконы Богородицы затеплит, молитву прошепчет, о доле своей вдовьей поведает, украдкой слезу утрет да и обратно пойдет. Так и жила: одна забота, что утром сызнова ее работа.

ВИДЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глядишь, так бы и дальше та Мария жила, да только Господу угодно было иное. Первый раз видение случилось 10 июля, в тот самый 1636 год, когда лето на перелом идет, к ночи ото дня часок убавило, к себе приставило, спит-почивает Мария в избушке-домике, после работы многотрудной намаявшись. Вдруг видит во сне три иконы, перед ней в воздухе висащие. Испугалась было, села на кровати, глаза открыла, а

иконы как висели перед ней, так и никуда не девались, сияют золотом, ликами пречистыми, на всю горницу лучистыми. В серединке икона Знамения Божией Матери, справа – Святителя и Чудотворца Николая-Угодника, а слева – Преподобной Марии Египетской.

И слышит она тут голос самой Богородицы, к ней, вдове бедной, сошедшей:

«Мария! Объяви об этом видении народу и скажи, чтобы на Абалакском погосте построили по правую сторону ветхой Преображенской церкви новую деревянную во имя Знамения Пресвятой Богородицы, что в древнем Новгороде, с приделами по одну сторону святителя Николая, а по другую – Преподобной Марии Египетской».

И исчезло все... Словно и не было... Сидит в изумлении вдовица, ни жива ни мертва, руки к груди прижавши, в удивлении, в полном изумлении и как быть, не знает. К батюшке бежать? Поверит ли? Кто она такая есть, чтоб перед ней сама Владычица Небесная на землю опустилась, во сне явилась? За что такая честь? Чем от прочих поселян отлична, в чем праведна? А коль соседки узнают, то и совсем прохода не дадут, всячески высмеют, со света сживут, хоть глаза завяжи да в лес беги.

Затаила Мария в себе эту весть-явление. Даже на исповедь не пошла, чтоб себя и людей в сомнение не вводить. Не поверила в свою избранность, повременить решила, а вдруг все на том и кончится. Решила жить дальше по-старому, а там сама жизнь покажет, где правда, где вымысел...

ВИДЕНИЕ ВТОРОЕ

Не прошло и двух дней, как приключилось с вдовой Марией другое чудо. Возвращалась она вечером с поля и уже к крылечку домика своего подошла, за ручку взялась, хотела дверь открыть, как вдруг накрыло ее светлое облако, туманом окутало, и она тут же на травку без чувств упала, сознания лишилась-потеряла. А как глаза разлепила-открыла, и видит: висят перед ней в воздухе две иконы – Знамения Божией Матери и Марии Египетской, а Николай Чудотворец самолично перед ней на земле стоит и сердито так выговаривает:

– Али тебе не было сказано, чтоб народ ваш новый храм в селении своем строил? Передай всем, пусть сами добрый лес рубят, по реке сплавляют, на гору вытаскивают, шкурят-обтесывают, под храм заготавливают. Вот, коль они тебя не послушают, то падет на них кара Господня, – лучшие из прихожан и священник с ними помрут в одночасье...

Проговорил, и видение растаяло-исчезло, как будто ничего и не было. Только в воздухе запах благодный стоит, будто кто ладаном курит, а с лугов из-за реки свежей кошениной тянет-веет, дурманом голову кружит. Самое покосное время стоит.

Встала вдовица Мария с земли, оправилась, вздохнула тяжело и думает: «Неужто не чудится все это мне, на самом деле явление Господне на меня, грешную, снизошло-спустилось, как есть открылось? Но почему на меня именно? Вон, батюшка наш, не в пример, и богомолен, и собой видный... Почему явления эти – не ему, никак в толк не возьму...»

Всю ночь Мария глаз не сомкнула, думала о явлениях тех, а едва светать начало, подхватила грабельки и на покос отправилась сено грести-ворошить. Идет себе быстрехонько по тропке луговой, по сторонам поглядывает, к шорохам разным прислушивается. А ночью туман на землю пал, все кругом, словно в парном молоке, плывет, видится и чудится вдовице, что за каждым кустом Николай Угодник стоит, глядит на нес с укоризной, седой головой качает и пальцем грозит.

Вдруг сзади ее кто-то как за плечо схватит-дернет. Она со страха и заголосила, обмерла, грабельки на землю бросила. Обернулась, а то соседка нагнала, стоит, смеется, тоже на покос подалась с вилами на плече, на черенке узелок с припасами.

– Чего так испугалась-вздрыгнула, Мария? – спрашивает. – Ажно похолодела, и вся кровь с лица отхлынула. Али чего недоброе причудилось-привиделось?

– Да сама не знаю... Шла... Задумалась...

– Поди, страшно одной-то? Пойдем теперь вместе, а повезет, найдем двести.

Идут они дальше, переговариваются о разных разностях, а у Марии одно на уме: не открыться ли соседке про видения свои. Уж рот было открыла, чтоб сказать, а слова не идут... Не знает, с чего и начать. Хоть что тут делай, а не выходит, не получается.

«Может, оно и к лучшему, – Мария себе думает, – соседка, она баба едка, на язык колючая, без бритвы обреет, без спроса высмеет-ославит, по всей деревне растрезвонит, по округе разнесет. Нет, не откроюсь, до поры затаюсь. Не пришло пока мое времечко...»

А вскоре и разошлись-разбрелись, каждая на свой надел сено стребать, копешки метать отправилась. Так и день прошел незаметненько, спокойненько за работами-хлопотами. Скоро и неделя минула, и никаких знаков-явлений Марии больше не было, успокоилась вдовица, бояться перестала.

«Знать, через кого другого порешила Богородица свою волю сообщить. И слава Господи. Нет за мной никаких заслуг, чтоб быть перстом Божиим отмеченной. Буду и дале век коротать, жизнь доживать...»

ВИДЕНИЕ ТРЕТЬЕ

С вечера она так подумала, а на другой день в обеденную пору пошла за околицу, как опять облако небесное ее накрыло, на землю прижало-опустило. И Николай Угодник обращается к ней с грозным словом, а глаза так и горят, до костей огнем жгут:

– Отчего не объявишь о видении своем и повелении нашем?! Сама на себя невзгоду наводишь! Знаешь ли, что с тобой случиться может?!

Не успела Мария и рта раскрыть, как руки назад повело-скрючило, тело дугой выгнуло, и упала она ниц, в расслаблении ужасном. Только вдруг сквозь шум в голове слышит голос Божией Матери:

– Это тяжело. Мне ее жалко.

В тот же миг боль пропала, тело силу прежнюю обрело, в голове прояснилось. Как только совсем в себя пришла, огляделась, а рядом с ней

никою нет, сама ж на земле лежит. Соскочила и напрямик к духовнику батюшке поспешила-направилась. Тот в церкви был. Марию благословил, ручку для целования подал, спрашивает, с чем пришла в неурочный час.

Все ему вдовица Мария выложила, как на исповеди, ничегошеньки не утаила, не сокрыла. И сразу на душу облегчение пришло. Батюшка ее внимательно, не перебивая, выслушал, святой водой окропил и домой с миром отпустил.

– Иди себе, раба Божия, молись усерднее, может, и простит Господь грехи твои, избавит от искушения...

А как быть-поступить, не сказал, не присоветовал.

Пришла Мария домой, а на душе опять печаль-кручина, не ладно, не светло, не празднично. Сердце давит, в глазах темно. Уже две недели прошло, как наказ Небесный ей был, верно, дальше тянуть некуда. Решила на другой же день в город податься, явиться на архиерейский двор, а там – как сложится-выйдет. Мир не без добрых людей, что-нибудь да присоветуют-подскажут, куда надо, направят...

ВИДЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Никому о задумке своей Мария не сказала, не поведала, а утром ранехонько из избышки вышла, приперла дверь падкой, на руку узелок с караваем повесила, посошок прихватила и подалась скорехонько по-над берегом напрямик в Тобольск, не раздумывая.

Вскоре первый лог темный прошла-минула, что в народе Разбоем зовут. Поджидают тут странников-путников лихие люди разбойные, до ниточки обирают, а случается, и жизни лишают. Но никто ее не остановил, не тронул. Пошла далее. Следующий лог, Коноваловский. топкий да вязкий, но и через него перебралась по жердочке сухой ногой. Дальше идет-спешит без остановки, без отдыха. Вот и речка Шанталык с Ивановским выселком, а там до города совсем рукой подать: и десяти верст не будет, только на гору взойти-взобраться.

Притомилась Мария, присела отдохнуть, узелок с едой развязала: только ломоть хлеба отломала, как явился перед ней столб облачный вышиной до самого неба будет. Глаза подняла, а на самом верху видит опять две иконы – Божьей Матери и Марии Египетской. Святитель Николай стоит на земле близехонько в полном архиерейском облачении и обращается к Марии разгневанно:

– Отчего до сих пор медлишь рассказать обо всем народу? Последний срок тебе дается. Не выполнишь, пеняй на себя. Будешь всем телом расслаблена, до самой смерти лежать без движения. Но коль объявишь обо всем, тебе сказанном, а тебя не послушают, то им страдать, с тебя вина снимается.

Проговорил он так, и исчезло видение...

...Не помнит Мария, как последние самые трудные версты одолела, словно крылья за спиной выросли, по воздуху летела скорехонько. В Тобольске у родственников заночевала, а спозаранку на архиерейский двор направилась.

Идет, а саму все те же сомнения гнетут-одолевают: примет ли владыка-архиерей простую крестьянку, поверит ли словам ее... Вошла через

ворота на двор Софийский, а владыка как раз навстречу к ней идет, на посох опирается. Упала на колени перед ним вдовица Мария, благословить просит.

Был в ту пору архиепископом Сибирским и Тобольским преподобный Нектарий, первый год как из Москвы на кафедру в Тобольск направленный. Жил он смиренно, слыл человеком богобоязненным, убогих-сирых завсегда привечал, строил храмы на земле сибирской многие, народ отеческим словом наставлял.

Рассказала владыке Нектарию вдовица Мария и о видениях, о всех своих сомнениях, спрашивает, как быть дальше ей жить. А преосвященный, как выслушал ее, поднял вдовицу с колен, повернулся к куполам соборным, перекрестился широко и говорит:

– Слава тебе, Господи, заступнице пашей Пречистой Деве Марии и Святым Угодникам, что явили нам свою волю. Так тому и быть, зря сомневалась ты, раба Божия Мария, не шла к нам столько времени. Коль указал на тебя Божий перст, видать, заслужила житьем праведным, сподобилась Божией воли. А сейчас идем в храм, отслужим благодарственный молебен. Завтра всем прихожанам твой рассказ передам, сообщу о Знамени Божиим.

В скором времени по указу преосвященного мужики абалакские срубили новый храм у себя в селе: во имя Знамени Пресвятой Богородицы с двумя приделами: во имя Святителя Николая и Преподобной Марии Египетской.

Может быть, срок пришел, и они б сами за дело доброе богоугодное взялись-принялись, со временем соорудили храм Абалакский. Но коль владыка повелел, о всем увиденном Марией рассказал-поведал, то работали храм скорехонько, со стараньицем, себе на радость, людям на загляденье. Всяк пеший и приезжий издалека шапку с головы снимал, крестом себя осенял, молитву тихонько шептал, Покровительницу Небесную прославлял.

Вдовицу Марию по смерти погребли рядом с новым храмом, а рассказ о ней и тех явлениях по всей земле разнесли и приход Абалакский тем прославили.

Но это только начало сказания о том, как Божья Мать село Абалакское для своей обители из прочих мест выбрала. На том история не заканчивается, а дальше рассказ пойдет о Чудотворной иконе Богородицы и чудесах, ею творимых. Может, многим о том и известно, да не грех лишний раз и напомнить...

ОБРАЗ БОГОРОДИЦЫ

Испокон века земля Русская находилась под Небесным покровительством Пресвятой Богородицы. Всем русским городам и селам, погостам, выселкам Богородица защитница и заступница. Не раз спасал Русь от набегов вражеских образ Владимирской Божией Матери. Сам Тамерлан не решился на штурм Москвы, когда образ Пресвятой на стены вынесли, крестным ходом вокруг прошли. И ханы Ахмат и Махмед-Гирей ушли в страхе из-под Москвы, испугавшись навлечь на себя и народ свой гнев Небесной Покровительницы.

А в мирное время спешил немощный люд к святым образам попросить у Богородицы исцеления себе и детям своим, слезно молил о прощении, в грехах истово каялся. И исцеляли иконы чудотворные: Казанская, Иверская, Тихвинская, Калужская. Ахтырская, Смоленская и многие, многие другие.

Сила Господа в немощи свершается, на нас направляется. Кто уверовал, тот и исцеление получил-обрел, здоровым пошел. Бог не в силе, а в правде, а вера – в раскаянии. Коль постился, в черных делах-умыслах раскаялся, то и грех простился, навсегда забылся...

Спешат купцы на ярмарки, на торжища, скачут по дорогам гонцы царские, мчат лихие тройки ямские, везут из города в город седоков рода простого, а кое-где и знатного, неподатного. А меж ними идут-ковыляют, горе от дождя-холода мыкают странники, калики переходящие к святым местам, к монастырским дворам поклониться праведным мощам, у чудотворных икон помолиться, из источников чистых напиться.

Идут-бредут, снег с грязью мешают, тихонько шепчут-повторяют:

«Мы с печалью, а Бог с милостью».

«Ты к худшему, а Бог к лучшему».

«Чего Бог не нашлет, того и человек не понесет».

«На этом свете помучимся, а на том порадуемся...»

Стали и в Сибирь дальнюю те странники заходить. Бога славить, чего видели-повидали, в иных краях узнали, добрым людям рассказать да беседу завязать. А Сибирь – страна многотрудная, совсем не райская, – силы да жилы на кулак мотает, частенько народ в беду бросает. Короток век у земледельца крестьянина, на своем горбу тащит всяк груз хоть с горы, хоть в гору. Любое дело через силу дается, запросто так не берется. От тех работ да разных забот много больных-немощных по городам-селам лежит, свою долю горькую хулит.

Был среди тех больных-немощных один человек, именем Евфимий, по прозванию Кока. Видать, были его грехи нележки, коль лежал он дома много лет недвижим-неподъемен и не чаял, не гадал на своих ногах по горнице пройтись, на крылечко к ясному солнышку выбраться, до ближнего храма доковылять-добраться. Надоумили-присоветовали ему добрые люди совершить благое дело, послужить Господу: заказать мастеру написать образ Пресвятой Богородицы, что вдовице Марии являлась-виделась.

Послушался Евфимий Кока доброго совета, призадумался, испросил благословения у преосвященного Нектария да и заказал образ иконописцу-мастеру,

Взялся за то дело богоугодное протодьякон собора Софийского Матвей Мартынов, человек в городе известный, уважаемый, прихожанами почитаемый. Видать, хорошо тот мастер кистью владел, верный глаз имел, коль сам владыка благословил его написать образ Знамени Богородицы.

В старину на Руси тех мастеров, что иконы писали-творили, богомазами прозывали. А пошло то прозвание от суздальцев да Владимирцев, которые второпях абы как намалюют образ почитаемый, в мешки те иконки рассуют, на возы поскидывают и айда по дальним селам-деревням

развозить-ездить, торговать изделиями украшениями своими. Иной человек сгоряча ту писанку-иконку купит, домой принесет, разглядит, а там святой Егорий шагает пешком с заплечным мешком, а на другом Параскева Пятница на коне едет. Видать, и такое случалось, коль народ им прозвание обидное придумал – богомазы. Икону Божию написать – то не дверь размалевать, одного старания мало, коль душа не возликовала, сердце к Богу не припало.

Как Матвею Мартынову, протодьякону тобольскому, заказ такой вышел с благословением от самого владыка Нектария, то он перво-наперво строгий пост держать принялся, сурьезно за дело взялся: больше месяца по три раза в день на исповедь ходил, ко святому причастию, молился истово, да тем временем краски растирал-готовил. Сам в лес отправился, сосну добрую присмотрел-выбрал, свалил-распилил, доску по размеру выстругал-высушил, левкасом покрыл. А как срок подошел, вспылала душа Матвея Мартынова на дело доброе, праведное, то и кисть в руки взял и образ Богородицы, как он ему видится, писать-творить начал.

Трудное то дело: саму Владычицу Небесную земными красками изобразить, всему миру явить – в одночасье не дается, не делается. Но потихонечку-помаленечку работа спорится, дело движется. Выходит-получается Богородица с Младенцем Христом во чреве ее, а по краям стоят Николай Чудотворец, по правой руке, и Мария Египетская, по левой. До поры до времени никого Матвей до иконы не допускал, не показывал. А тем временем немощный Евфимий, Кока по прозванию, поправляться начал вдруг, привставать, держась за стеночки. Стоит на ногах некрепких, нетвердых, а слезы от счастья так по щекам и катятся, ручьями текут без удержу. И чем лучше-спорнее дело у Матвея Мартынова шло, тем быстрее поправлялся-выздоровливал Евфимий Кока. А как работа над образом закончилась, то уже своими ногами к дому мастера дошел-добрался, на колени перед иконою опустился, благодарственную молитву произнес. А потом понесли образ Знамения Богородицы Царицы Небесной в главный собор – Софийский – на освящение. И нес его Евфимий Кока собственноручно, без посторонней помощи. Видать, Господь ему силы дал за такое старание.

ЧУДЕСА ИСЦЕЛЕНИЯ

Чудеса видеть-понимать не всякому дано-подано. Иной и глазаст, и сметлив, да душой строптив, жизнь проживет, а чуда не дождет. А сирому-убогому, хоть в жизни земной и не везет, зато Бог видеть чудо дает. Кто сильно ученый-мудреный да все знающий, так и останется Фомой-неверующим, человеком пропащим, через лупу-стеклышки на мир глядящим. Так что опять все дело в человеке, в вере его: в чем усомнился, того и лишился. Русский народ свою веру крепко берег от знаек-умников, над ними шутики шутил, в глаза костерил, а человеку праведному, по Писанию живущему, правильно, и при жизни воздал, и по смерти добрым словом поминал.

Как икону Знамения Божией Матери в соборе Софийском освятили, по канону службу отслужили, то и взял-понес ее Евфимий Кока прямоком в село Абалакское. Люди добрые с ним отправились с песнопениями, с молитвами. Идут-поют, Бога славят, встречным о том рассказывают. Дошли до речки Шанталык, где выселок Ивановский, остановку сделали. Тут выходит к ним навстречу крестьянин по имени Василий и за руку осторожненько ведет дочь свою Анну, девушку слепенькую. Второй годок пошел, как лишилась она зрения от болезни неведомой, злой-страшной. Идет Анна, за отца ручками держится, незрячие очи к небу подняв, губами молитву шепчет, приложиться к иконе-образу Богородицы желает-просит. Первым Василий, отец ее, на колени упал, поцеловал икону в уголок-краешек, заговорил горячо-искренне:

– Богородица! Дева Пречистая! Заступница Небесная! Спаси дочь мою! Верни ей свет Божий! Как жить-быть ей такой слепой-незрячей?! Кто замуж возьмет бедную?! Исцели ее, Владычица, весь свой век Бога молить-славить стану за благодать Твою!

И Анна за отцом следом икону целует, слезами орошает, крестное знамение на себя кладет, во всех грехах кается. Да вдруг как закричит-вскрикнет радостно:

– Господи!!! Вижу свет!!! Слава тебе, Богородица!

Долго еще отец с дочерью на коленях стояли, землю слезами радости кропили, молитву творили, Бога славил. Через какой-то срок на том самом месте монастырь заложили Иоанно-Введенский – в память о чудесном исцелении, о девичьем прозрении.

ИСПРАВЛЕНИЕ НЕПОГОДЫ

Почти тридцать лет минуло, как пребывала Чудотворная в Абалакской церкви. Туда к ней странники-паломники отовсюду и шли, свои горести и радости к ней несли.

Как вдруг в лето года 1665-го пришло на тоболяков и окрестных жителей испытание великое: разверзлись хляби небесные, и воды-дожди полились на землю сибирскую. День льет, не переставая, два не кончается, третий пошел, а там и со счета сбились. Сидят и горожане, и крестьяне по домам, на улицу носа не высовывают, друг к дружке в гости не хаживают. Стали поговаривать, мол, Великий Потоп на землю пал, за всякие пригрешения-сомнения Господь кару послал.

Делать нечего, ждут-пождут, авось да сами дожди пройдут, прекратятся-закончатся. Ан нет, льет дождище, поливает, конца-края не знает. Хлеб на полях полег, травы погнили, видать, зимой наступит бескормица-голод страшный, для людей тягостный-гибельный. Пришел весь народ в печаль-уныние, а как быть-поступить, и не ведают.

Управлял на ту пору Сибирской епархией преосвященный Корнилий-митрополит, человек в духовных делах благостный. Много раз он сам с причетом всем в село Абалакское наезжал-наведывался, перед иконой Чудотворной в молитве ночи простаивал. Долго думал-решал архиепископ Корнилий, как быть-поступить, Господа умиловать.

Собрал все духовенство тобольское с крестами, с хоругвями и отправил их в Абалак за иконой Чудотворной Знамения Божией Матери.

Случилось то 7-го июля года 1665. Прибыли священники в село, вошли в церковь, с великим почтением вынесли Чудотворную да в Тобольск крестным ходом с ней и отправились.

На другой день добрались до города, а там весь народ с преосвященным во главе в поле стоит, на коленях встречают Чудотворную. Вошли в ворота Воскресенские, понесли по улицам, в собор Софийский внесли-поставили, начали службу служить, избавления от дождя-мороси просить. Еще литургия не кончилась, как дождь-хмарь на убыль пошел, ветер налетел-подул, тучи ненастные начал рвать-драть, по небу гнать. Сперва краешек солнечный показался-выглянул, а там и весь свод очистился, озарилось-осветилось все кругом, засверкало радостно. Птицы-птахи запели-заголосили, звери из темных нор выбрались, и весь люд тобольский возрадовался.

И постановил митрополит Корнилий ежегодно в память об исправлении непогоды-мороси на день великомученика Прокопия, 8-го июля, в Тобольск Чудотворную приносить и оставлять до дня пророка Божия, Ильи, что 20-го июля празднуется.

Так и повелось-сложилось, меж людей закрепилось с тех самых пор на долгие годы.

ИСЦЕЛЕНИЕ ВЛАДЫКИ КОРНИЛИЯ

Да не все ладно-гладко с самого начала складывалось, как начали Чудотворную в город приносить, здесь чествовать, случалось и людское нерадение. Вызвали однажды преосвященного Корнилия в Москву стольную для дел церковных, пасторских. Почитай, все лето его в Тобольске не было, и крестный ход с Чудотворной без него прошел. Как вернулся он обратно, то сообщили ему люди верные, праведные, будто бы встречали без него Чудотворную церковнослужители и прихожане местные без всяческого почтения-благодости да совершали при том бесчинства разные, непристойности. Рассердился-разгневался преосвященный на тоболяков по навету тому за их хулу-словоблудие, да и запретил совсем выносить Чудотворную из Абалака-села в город, крестным ходом ходить-шествовать.

Слово владыки – на земле закон. Да только небесный Владыка иначе распорядился-решил, повернул в иную сторону. Прошел короткий срок, как приключилась с тем митрополитом Корнилием ни с того ни с сего напасть страшная: начали ноги пухнуть-вздуться, ни в сапоги, ни в пимы не входят, не помещаются. Сидит владыка в своих покоях и на люди показаться-выйти не может, а чтоб до храма дойти, и речи нет. И чем дальше, тем хуже. Слег владыка, расхворался, недвижим стал, начал к смерти готовиться. Пять месяцев его та болезнь-лихоманка мучила, не отпускала, покоя не давала.

А тут лето на дворе приспело-сделалось, все кругом зазеленело, соком жизненным налилось. О смерти-смертушке думать-гадать не хочется, когда глаз благодать такую зрит-видит. И срок подошел, когда икону Чудотворную Абалакскую в город носили, всем миром встречали.

Пропустил владыка Корнилий тот срок, не отменил запрет. А ему все хуже да хуже делается, уже с постели совсем не встает.

Может, подсказал-надоумил кто, а может, и сам понял преосвященный, но в сентябре месяце велел, как ранее было примято-установлено, идти всем батюшкам-священникам в село Абалакское и нести с почестями Чудотворную крестным ходом в город Тобольск.

Отправились те не мешкая, поклонились Чудотворному образу, прощения испросили за нерадение да и понесли прямехонько в покои митрополичьи к самому преосвященному. Тот, как образ Знамения увидал-узрел, то и припал к нему в раскаянии. Помолился в келье перед иконою и своими ногами, без помощи посторонней на службу в собор двинулся, литургию отслужил. А уж после службы благодарственной пришло ему тогда полное исцеление.

И с тех нор ни разу перерыва в крестных ходах не было, и каждодневно 8-го июля Чудотворную в город несли, а 20-го обратно в Абалак уносили-проводжали до года следующего. И 27 ноября, в день Знамения Пресвятой Богородицы, память ее славили-праздновали. Да еще повелел преосвященный специальную книгу начать-завести, куда все чудеса исцеления бы записывали. И только с года 1636 по 1675 год набралось их общим числом 130.

НЕМОЩИ АНДРЕЯ ПЕРХУРОВА

Росла-ширилась слава о Чудотворной иконе Абалакской. Со всех сторон к ней шли и ехали люди православные. Собрались однажды жители абалакские на общий сход думу думать, как им отблагодарить Небесную Заступницу за все благодеяния, дела добрые. И решили-вырешили – собрать денег по всей Сибири-матушке на золотой оклад с драгоценными камнями для украшения образа Чудотворного. Как решили, так и сделали. Снарядили своего мужика именем Антоний, человека благоговейного, в делах рачительного, по городам и селам с Чудотворной ездить, Господа славить, просить прихожан делать вклады по силам, по средствам, по своему разумению.

Прикрепили Чудотворную на телегу обычную, пару коней рабочих впрягли, и отправился Антоний в дальний путь из своего села Абалакского. Ночь переночует, где народ кров-приют дает, и айда снова в дорогу поспешать-ехать. И Богородица с Антонием тем, как простая паломница, в зной и стужу странствует по земле сибирской, где люд православный долю мыкает, путешествует.

Бывало, въедет Антоний в село большое, приметное, правит к дому сельского батюшки, постучит в окно, вызовет да с такой речью обратится-приветствует:

– Принимайте гостей для добрых вестей. Ждали, не ждали, а про Чудотворную, наверняка, слышали. Выпала вам честь великая образ Знамения Пресвятой Богородицы у себя видать, с честью принимать.

Внесут с батюшкой образ в храм, соберут народ на службу-молебен. А после Антоний с кружкой по рядам идет, не глядит, кто сколько дает, каждый пятак-полушка в дело пойдет во славу Божию. Зато в день Суда Страшного вся милость твоя, за жизнь сотворенная-содеянная, соберется

в чашу единую, на весах Судии взвесится. Доброхотного подателя и Бог любит. Малое добро большое худо перетянет-выправит.

И так изо дня в день неспешно странствуют-путешествуют. Случилось прибыть им в город большой да богатый – Верхотурье. Пошел Антоний с кружкой от двора ко двору, псалмы поет, просит жертвовать на украшение Чудотворного образа, в село Абалакское к себе зовет-приглашает. Нигде ему отказа нет, ни малого препятствия. Даже вдовы солдатские и те платочек заветный вытянут, размотают-развяжут, достанут денежку, на черный день припасенную, и, перекрестившись, в кружку кладут.

А замечал Антоний еще ранее, что народ бедный-простой охотнее жертвует-подает, нежели господа именитые, собой богатые. Мужик богатый – что бык рогатый, много спеси, да для нищих мало чести. Для него деньги – что каменя, душу вниз тянут-гнетут, спокойно спать не дают.

Подошел с Чудотворной сопроводитель ее, Антоний, к дому сына боярского Андрея Перхурова, что крепко жил, никому не служил, дворни-холопов в достатке держал, по городу на четверике разъезжал. Пустили их в дом на кухню, а дале, в горницу, хозяин идти не велит, странников убогих худым словом бранит. Вынес слуга несколько медных монеток, отдал-передал Антонию да обратно спровадил-выставил. А хозяин Андрей, сын боярский, на весь дом подателей хаёт-хулит, с великим непочтением про Чудотворный образ говорит.

Уехал Антоний с Чудотворным образом со двора того Перхурова и думать о нем забыл. Как в доме том перхуровском несчастье великое приключилось-вышло: занемог внезапно сын боярский Андрей, занедужил. Лишился совсем речи человеческой, лишь чего-то мычит-мыкает, в потолок гыкает. Прибежала жена, всполошились родичи. Слуги-дворня из комнаты в комнату как угорелые носятся-бегают, лбами сгоряча сшибаются, в разные стороны разлетаются. Одни отвар несут, другие – лед с погреба, а третьи зеркала занавешивают, как при покойнике.

Отправили за лекарем-знахарем. Тот с собой пять дюжин пивок принес, на лоб, за уши Андрею, сыну боярскому, прилепил-привесил, чтоб кровь дурную-лишнюю из тела выгнали, клистир поставил, капелек мятных дал для успокоения. От лечения его лекарского Андрей совсем слег и лежит, недвижим, колода колодой, только стонет да по-своему мыкает.

День прошел в пустых хлопотах, в беготне-суете, а толку – ноль на палочке. Жена рядом сидит, укусом лоб мочит, платочком кружевным отирает. Вдруг стал больной на другой день знаки подавать, глазами куда-то показывать, мычать жалобно.

Та его и спрашивает: «Пить подать?» – вроде нет. «Доктора-лекаря позвать-кликнуть?» – опять не то. «Детей привести?» – никак угадать не может, сколь ни старается. А Андрей глазами все в угол показывает, неотрывно глядит туда. Жена головой повела, повернулась, иконы увидела и поняла тогда: «Вернуть Чудотворную?» – закрыл больной глаза, мыкнул согласно. Кликнула жена слуг, велела коней седлать, следом скакать за странниками и без них не возвращаться, на глаза не казаться.

Нагнали Антония далеко от города. Он поначалу думал, злодеи какие несутся-гонятся, деньги отнять, Христа ради им собранные. Топор схватил, решил защищать те денежки до последнего, а как узнал, чего просят-хотят, успокоился. В кулак кашлянул, перечить не стал да лошадку обратно заворотил, а себе думает: «Видать, крепко проняло боярского сына, коль дворя так заголосила. Речами своими Богу не угодил, а как захворал, весь свет удивил».

Прибыли обратно в Верхотурье, подъехали к Андрееву дому, глядь, а на крыльце вся родня и дворя собралась, стоят, сына боярского Перхурова под руки поддерживают. Тут и батюшка с причетом спешит, почину облаченный. В дом вошли, начали молебен служить. Богородицу Заступницу славить, исцеления для сына боярского, Андрея, просить. И он сам тут же стоит, горькие слезы раскаянья проливает, едва руку ко лбу поднимает, крестное знамение на себя кладет-осеняет.

Как служба закончилась, то он уже сам на своих ногах пошел-поковылял, говорить начал, а слезы все так и льются, на пол капают. Знать, поверил в Чудотворный образ Пресвятой Богородицы, Абалакским именуемый... Да и Богородица его простила, к жизни вернула. Кто же еще заступится за нас, грешных, коль не сама Матерь Божия...

Много еще Чудесных исцелений народу сибирскому принесла Чудотворная. Сказывали потом исцеленные, как во сне к ним Богородица явится вместе со святителем Николаем Угодником и спросит строгим голосом: «Коль хочешь от болезни-недуга своего избавиться, отчего в село Абалакское не идешь? Отправляйся тотчас, все дела отложи-брось, а как туда дойдешь-доберешься, то встань перед Чудотворной иконой Моей, сотвори молитву во здравие, и болезнь уйдет...»

Правда, с одним мужиком закавыка вышла, неувязочка. Жил в Ирбите человек, именем Павел, а прозванием Подаруй. Как заболел, то в Абалак и отправился, помолился, исповедался и получил исцеление полное от Чудотворного образа. Домой вернулся-пришел, сразу за стол, гостей созвал-скликал, гулянку устроил по случаю выздоровления, своего исцеления. Ковш-другой браги принял, хмель в голову вступил-заиграл, поплясать решил. Заорал дурным голосом песню пакостную-срамную, для человека праведного негожую. Жена того Павла за рукав дергает, останавливает. А он жену и не слушает, дальше песню орет-гаркает. Тут его и схватило-скрутило, ни сесть, ни встать. Повезли болезного обратно в Абалак – на поклон к Чудотворной молить прощение. Простила его Заступница, сызнова вылечила. Говорят, что боле срамных песен тот Павел петь и не смел, опасался небесного наказания.

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА И АНИКИТА РЕПНИН

Горе-несчастье не только с простым человеком случается-происходит, а бывает, что и сильных мира достает-прижимает, в землю вгоняет. Так и вышло-случилось на 1672 год в семье главного воеводы тобольского, боярина, князя Ивана Борисовича Репнина. Захворал-занедужил сын его любимый – Аникитушка. Мальцу всего-то шесть годков от роду, а болезнь-хворь скрутила-одолела, на старичка похожим сделала. Не ест, не пьет, вторую неделю на кровати лежит, глаза закрывши, и ни

словечка не скажет, не вымолвит. Мать от постели чада своею ненаглядного не отходит, плачет-кручинится, глаз не сомкнет. Мужу сказала-обещала, коль что с сыном любимым случится, руки на себя наложит. Князь-воевода Иван Борисович за одну ночь поседел весь, до последнего волоса.

Послал Иван Борисович на Москву гонца-курьера, чтоб лекарей иноземных срочно сыскали да к нему в Тобольск послали – сына лечить-пользовать. Прибыли вскорости два лекаря иноземных: одного Карлом зовут, второго Францем кличут. Отвел их воевода-князь в спальню к сыну Аникитушке да и говорит лекарям тем:

– Коль на ноги сумеете мальчика поставить, здоровье ему вернете, ничего для вас не пожалею, награжу по-царски: каждому по собольей шубе справлю, каких и при дворе не носят, золота отсыплю столько, что до конца жизни хватит, детям останется, последнее от себя отдам, лишь бы Аникитушку здоровым-веселым увидеть.

Лекари-знахари головами согласно закивали, дружно запыхтели, начали мальчика щупать-осматривать, в рот заглядывать, животик мять, сердечко слушать. Каждый спешит старается перед воеводой-князем умение проявить-выказать, один другого превзойти, в доверие к нему войти. А Аникитушка лежит на кровати, не улыбнется, только дышит тяжело-прерывисто, на личике ни кровиночки, бледен-желт, словно свечка восковая, непонятно, в чем только жизнь и держится-теплится.

Кончили лекари-знахари княжича мять-щупать, глазищи под лоб закатили, по-своему чего-то забормотали-завякали и с умным видом к самому воеводе-князю отправились, в светелку вошли-ввалились, низко поклонились. А Иван Борисович сидит в кресле туча-тучей, локтями на стол дубовый опершись, в пол глядит, будто ничего кругом не видит, не слышит. Поднял брови мохнатые на лекарей-знахарей, грозно спрашивает:

– Ну, чего усмотрели-высмотрели? Отчего так быстро вернулись? Но прежде подумайте хорошенько-ладненько, коль сына моего лечить откажетесь, не видать вам пути-дороги обратной, в острог засажу, червям скормлю.

Задрожали-испужались немцы-лекари, на колени перед воеводой упали-бухнулись, залепетали-забормотали торопливо-быстренько:

– Мальчик твой есть водянка большой. Уф! Пуф! Очень худо-плёхо, – рыжий тощий Карл говорит-заикается. – Много вода в нем сидит, сердце душит. Надо та вода убрать-выкачать, потом дальше глядеть...

– Как же ты с него собираешься воду убирать-откачивать? – воевода спрашивает с недоверием, с подозрением.

– Известно как, – Карл объясняет, старается, – черный бык резать, шкура снимать, в нее мальчика зашивать, два дня держать, пока вся вода не уйдет, не втянется...

Иван Борисович зубами заскрипел-заскрежетал, но ничего не сказал, глянул на второго, мол, слушаю.

– Мой коллега неправду говорит, – Франц черноволосый с глазами кошачьими, повадками вкрадчивыми объяснять начал, – не лечат так у нас в Европа уже сто лет, то старый совет. Надо мальчонку догола раздеть, на лед положить, а потом в дом занести, солью натереть, чтоб жар

с него забрать, болезнь отогнать. А коль не поправится, то вины нашей в том нет. Наука не додумалась, как от смерти спасать, с того света людей выручать...

Он еще говорить не кончил, рта не закрыл, а воевода-князь кулаком как бухнет-стукнет, едва столешницу не проломил, да как закричит страшным голосом:

– Ах, такие-сякие, немазанные-сухие! Сейчас вас самих зачну по советам вашим лечить-пользовать! Эй, слуги-стражники, рыжего в сырую шкуру завернуть-зашить, а чернявенького голым на лед посадить. Будем ждать-смотреть, из кого быстрее вода выйдет, жар уйдет. А то ведь чего удумали, аспиды, сынка моего любимого извести решили.

Увели-утащили немцев-лекарей из покоев воеводских, под микитки вытолкнули. А сам воевода-князь на улочку вышел, идет-бредет, ног не чуя, ничегошеньки не видит, не замечает. Вдруг на чернеца старенького, с бородой до пояса наткнулся. Тот, видать, давно тут стоял, князя поджидал.

– Дозволь, воевода-князь, слово сказать-молвить старому человеку...

– Ежели с делом каким, то иди в приказную избу, не до тебя мне сейчас, один побыть хочу с мыслями-думами своими.

– И я то вижу, что думы твои тяжкие вокруг сынка твоего больного вьются...

– Говори, что хотел, не трави душу зазря, а то и так извелся весь.

– Я за свой совет денег не спрошу, чинов не потребу, а уж тебе самому решать, как дальше быть-поступить. Было мне видение, что сына твоего, Аникитушку, только Чудотворная икона Абалакская на ноги поднять-поставить может. Иди прямехонько на митрополичий двор ко владыке Корнилию и моли-проси преосвященного, чтоб отправил он за иконой той в село Абалак и оттудова ее с песнопением, с почестями великими да на двор к тебе и доставили. А уж там... Как дело обернется. Моли прилежно Небесную Заступницу сынку своему исцеление дать. На нее одну вся надежда твоя.

Кончил чернец говорить и пошел, не простившись, имени-прозвища своего не назвав, за угол повернул и исчез совсем, будто и не было. Пошел Иван Борисович к жене, рассказал про чернеца-монаха, велел собираться на митрополичий двор с ним вместе ехать.

Рассказали владыке Корнилию о горе своем, изложили просьбу великую. Тот и отвечает:

– Хоть и неурочный час, не ко времени образ святой в город нести, но во имя благого дела – здоровья княжича – возьму на себя грех, отправлю за Чудотворною. Будь по-вашему. Вы же с княгинюшкой домой пойдите, пост держите, молитву творите, у Богородицы избавления сынку вашему от недуга просите.

Как сказал преосвященный, так и поступил. Отправил в село Абалакское за Чудотворною. На другой день с утра раннего караульные с дозорных башен высматривают, когда крестный ход на дороге появится, а как увидели, сигнал подали. Тут соборные колокола зазвонили-заблаговестили, народ созывая-собирая. Вышли тоболяки на улицы встречать образ святой. День тот пришелся в аккурат на праздник Владимирской иконы Божией Матери. Прошел крестный ход в церковь Богоявленскую,

что под самой горой стояла, неподалеку от дома воеводского. Владыка Корнилий литургию отслужил, и понесли Чудотворную в дом к болящему княжичу. Там служили всенощную по полному канону, молили о выздоровлении Аникитушки, а утром проводили икону Знамения в Софийский собор на тору, где она еще две недели была.

И пришло на княжича исцеление! Встал Аникитушка, в собор отправился, к Чудотворной приложился, святых даров причастился, повеселел, щечки зарумянились. Мать с отцом глядят и не нарадуются. Бога славят, что вернул в дом к ним солнышко.

Настал срок икону обратно в Абалак нести-проводить. Все семейство княжеское за ней отправилось, с простыми прихожанами до городских ворот дошли, простились с Чудотворною. А как проводили, то и болезнь-напасть в дом обратно вернулась, словно и не уходила никуда. Загрустил Аникитушка, целыми днями сидит, в окошко глядит, от еды отказывается, по ночам не спит, в кровати ворочается, вздыхает тихонечко.

– Отчего не весел, сынок? – матушка-княгиня спрашивает. – Может, пойдешь на двор, поиграешь-побегаешь?

– Не хочу играть, матушка. А грустно-печально мне оттого, что скучаю по образу Пресвятой Богородицы. Хочу еще разок глянуть, помолиться перед ней.

Видит воевода-князь, что не пустая блажь сынку в голову пришла-ударилась, а, видать, зовёт-кличет к себе Чудотворная. Нанял Иван Борисович лодку с четырьмя гребцами, устлала изнутри коврами мягкими, подушки шелковые положили, да и отправилась княгинюшка с Аникитушкой по реке в село Абалакское.

А как приплыли, поднялись горой в храм, заказали всенощную, и сын с матерью отстояли всю службу от начала до конца, молясь Божией Матери, прося полного исцеления. Вот потом Аникитушка совсем поправился-выздоровел, и больше ни одна болезнь его не трогала. А чтоб лик чудотворный всегда при нем был, заказал князь Репнин умельцам местным образок малый для сына написать. До конца жизни носил его Аникитушка на шее, не снимая, не расставался никогда до самой смерти.

АНИКИТА РЕПНИН И ПЕТР I

А судьба у Аникиты Ивановича сложилась непростая, многотрудная. Во многих баталиях – и со шведом, и с турком – ему воевать-участвовать пришлось-выпало. Рядом со смертью всю жизнь ходил-хаживал, а ведь ни пуля вражеская, ни штык, ни сабля его не тронули, мимо прошли-просвистели, и упокоился он в чине генерал-фельдмаршала в Риге-городе на православном кладбище.

Князя-боярина Ивана Борисовича Репнина сам царь Петр уважал, почитал за отца родного, к советам его прислушивался и даже бороду разрешил носить супротив указа собственного, да и платье русское лишь один Репнин при дворе не поменял на немецкое за заслуги перед Отечеством.

Ну, а Аникита Иванович с шестнадцати годков, с отроческого возраста, при Петре состоял Алексеевиче, числясь спальником. Самому царю тогда лишь одиннадцатый годок шел, а уже о войне мечтал, о походах ратных, о подвигах. В тринадцать лет создал роту Потешную, и Аникита в ней стал поручиком, а уж вскорости и подполковником.

Когда стрельцы московские взбунтовались, на измену пошли, то царь Петр в монастырь бежал Троицкий, а рядом с ним неотступно Аникитушка Репнин следовал. Там, за стенами глухими сидючи, к образу Чудотворному, к Пресвятой Богородице, слали молитвы горячие, моля о спасении. И так всю жизнь свою из года в год князь Репнин с Петром Алексеевичем шел рядышком, на груди неся Абалакское Знамение, что от бед заслоняло, от злых недругов охраняло силой великою небесною.

Вот срок пришел, под Азов пошли – крепость брать неприступную. Первый раз неудача вышла, обратно на зиму возвратились, а летом сызнова под стены пришли азовские. Как трубач сигнал сыграл-подал, все на штурм пошли, начали по высоченным лесенкам карабкаться-взбираться. А впереди всех со шпагою наголо Аникита Репнин поспешает, солдат подбадривает. И пал Азов! Сдался на милость царю русскому, победителю.

Через два годика Аникита Иванович был пожалован в чин генеральский. Несколько полков пошло под его руку высокую. И надо же такому случиться-сбыться, что и полк Тобольский пехотный ему вручили для команды воинской. Вышел генерал Репнин, молодой совсем, новобранцев встречать-приветствовать, на плацу выстроенных. Батюшка полковой к нему спешит-семенит с иконкой в руках для благословения. Приложился князь к святому образу, крестным знаменем осенил себя, глянул повнимательней, – а на него глядит Чудотворная, словно вчера с ней простился-расстался.

– Узнал ли, князь, образ сей? – батюшка с улыбкой спрашивает.

– Как же могу не узнать Чудотворную, которой жизнью всей обязан премного?! Вот ведь где нашла Заступница... Каждый день, считай, к ней обращаюсь с бедой и с радостью. Услыхала, знать...

Прошли солдатушки, вновь прибывшие, обучение перед кампанией воинской. Швед на Россию так и прет без удержу, совсем стыд забыл, стеснение всякое. Повоевал-пограбил города порубежные, пора бы и показать ему, что русский солдат, хоть и вышел из крестьян лапотных, а землю свою уступать-отдавать и не подумает. Построил царь Петр полки перед битвою, генералы наперед стоят, государя глазами едят.

Идет император-царь Петр Алексеевич вдоль строя воинского, в усы усмехается. Дошел до полка, где все солдатушки здоровущие-широченные подобраны-поставлены, в кулачищах ружья держат, как перышки, грудь колесом, глаза огнем, не шелохнутся, не стронутся.

– Чьи будете, молодцы? – царь их спрашивает.

– Тобольский полк! – в ответ грохнули, даже уши заложило.

– Кто начальник-генерал ваш, молодцы-удальцы?

– Репнин Аникита Иванович!

– Ну, а драться хоть научил он вас? Как врага одолеете?

– Да на одну ладошку положим-покладем, а другую и прихлопнем. Велика наука – дать комару в ухо. Лишь бы попасть, а там как получится.

– Смотрите, не подвели чтоб...

– Государь, – один солдатик спрашивает, помаргивает, – а нам за то, что драться станем, ничего не будет? Не накажут ли?

– Почему так спрашиваешь?

– Так у нас в Сибири драчунов в острог садили, на хлебе-воде держали-выдерживали.

– Коль хорошо драться станете, то не только не накажу, но еще и награжу, – царь в усы усмехается.

Перед походным аналоем Петр Алексеевич шаг сбавил-придержал, Репнина Аникиту к себе подозвал.

– Не та ли это икона будет, про которую ты мне столько раз рассказывал? – на Знамение Божией Матери указывает.

– Она и есть, государь, Абалакская. Не я ее, а она меня в дальних краях нашла, сызнова знак подала, Чудотворная.

– Чудны дела твои, Господи, – Петр Алексеевич промолвил задумчиво.

...А тут дело началось горячее, пошли сшибки-сражения с неприятелем. Швед – вояка наипервейший, дерется умеючи, с хитростью. И во все горячие места царь Аникиту Репнина отправлял с Тобольским полком, с удальцами сибирскими. В свои 32 годочка стал Аникита Иванович генерал-аншеф, чин не маленький. Правда, и с ним осечка как-то вышла-случилась. Попал в засаду вражескую, людей потерял, позиции сдал, был царем до рядового разжалован. Только за храбрость его чины-награды вернули, служить далее приказали. И отличился князь в битве под Лесным, когда шведов было столько, что и счесть нельзя сколько, а все одно разбили наши неприятеля, три тысячи в полон взяли, а восемь тысяч мертвыми положили.

И Тобольский полк всем пример давал-показывал. Глядит как-то царь в трубу подзорную, а на солдата русского трое шведов набросились. А тот, не будь плох, ружье, как цеп, за дуло ухватил и пошел их крестить-охаживать, словно на току стоит, зерно молотит, так и отбился.

– Сыскать удальца, – царь после боя повелел-приказал, – хочу поглядеть, кто таков.

Приводят того скорехонько, перед царем во фрунт поставили. Стоит солдат, с ноги на ногу переваливается, покраснел лицом, словно девка на выданье, видать, решил, что царь за ним вину сыскал, станет наказывать.

– Из чьих будешь? – государь его спрашивает.

– Знамо дело, сибиряк, – басом тот отвечает, как медведь из берлоги посреди зимы.

– И где ж ты так драться-то выучился?

– Да разве я дрался? Извини, государь, коль не угодил чем. То я лишь отмахивался. Пристали шведы поганые, как мухи. Что я им, сахарный? Вот и вдарил чуть, вполсилы. Коль нельзя, то не стану боле так... Уж ты меня в первой раз не наказывай.

– Молодец, что вполсилы, – государь смеется-улыбается, – береги пока, сгодятся-понадобятся силы тебе для сражения главного.

– Ну, коль так... Покажу я им в другой раз, – сибиряк-солдат рад-радешенек, что государь не сердится, генералы с ним вслед улыбаются.

А там и главное дело пришло, не задержалось, к месту сказалось. В год 1709-й июня 27-го случилось сражение под Полтавою. Князь Репнин с двенадцатью полками пехотными в самом центре стоял, трех убитых под ним коней поменял. Плотно стоят полки русские, а швед на них драчливо наскакивает, сабелькой перед носом помахивает. Терпели мужики, терпели, крепились, как могли, а потом не выдержали, в азарт вошли. Пока мужика нашего не рассердишь, он и не почешется, но, коль в раж вошел да вперед пошел, лучше не связывайся. Шведы народ вежливый, аккуратненький, воюют по правилам, как устанут-умаются, объявляют перемирие. Для них что воевать, что чай распивать – одинаково. Только наш солдатик в землю по пояс войдет, поднатужится и пойдет-попрет – по воде ли, посуху ли, вертя дубиною. Не приведи Господь попасть под руку, и не заметит, как попотчует. Не выдержал швед, чуть попятился, а полки пехотные русские их штыками теснят, прикладами костерят, с ног валят, в землю вгоняют. Уже не вполсилы, а в силу полную сибиряки дерутся, как велено.

Сдался враг на милость победителю... Тобольский полк особо отметили, а князя Аникиту Ивановича наградили наипервейшим русским орденом – Андрея Первозванного. Правда, многих сибиряков, погибших во славу русского оружия, схоронили тогда на поле Полтавском. Ну, а шведов, в плен сдавшихся, пардону-пощады запросивших, сослали всех не куда-нибудь, а в Сибирь дальнюю на много лет. Долго они в Тобольске-городе жили-поживали, от нужды по домам хаживали, подавание выпрашивали. Не все мы в гости к ним, пущай и у нас погостят-поживут, наш хлеб пожуют, иртышской водицы попьют.

А Аникита Репнин в боях еще многих участвовал, даже Ригу-город на штык взял, ключи от ворот принял, губернатором сделался. И во всех делах-боях хранила-берегла его Чудотворная. И еще отвела она его от дела черного, несправедного. Когда суд над царским сыном был, Алексеем-царевичем, Репнин в то время в походе оказался, не поставил своей подписи под смертным приговором царевичу, как сам царь велел. Ни к чему генералу воинскому быть в дела судейские замешанному. А царя-императора Аникита Иванович всего на год пережил, скончался вскорости...

Дети-внуки его чести рода своего не уронили, в разных чинах отчизне служили. Таков уж у них род вышел – важный, в делах отважный. И образ Чудотворной иконы Абалакской всегда у них в доме находился, многие годы хранился.

Покуда с Богом в душе живешь, то нигде не пропадешь...

Вот и весь наш сказ-рассказ про икону Чудотворную Абалакскую, что людям исцеление по вере давала, как праведно жить, указывала. Только нет сейчас в монастыре на Абалакской горе Заступницы нашей, скрылась она до поры до времени от глаз людских, пока обитель ее извечная в порядок приведена не будет. Так издревле на русской земле повелось, коль место святое кто осквернил, то весь народ Божией благодати лишил.